

86.372 100.
520
269246

СВЯТЫЕ
БОРИС И ГЛЕБ

Мирас.

рошли годы... Со- старился великий князь Владимир, креститель Руси. Уже не так уверенно держал он в руке меч, не так зорок был глаз. Прослы- шали печенеги, что

недужится князю, и решили дви- нуться походом на Русь, пожечь, по- грабить русские города и села.

— Кого послать на отпор степ- някам? — задумался великий князь. — Хорошо бы отрядить Яро- слава, но он далеко, княжит в Нов- городе. Пока идет до Киева, печене- ги уже будут тут. В Пинске княжит сын Святополк. Но не надежен он, не тверд в слове, двоедушен. Глеб в Муроме, да и молод он.

Велел князь Владимир позвать к нему младшего сына Бориса, которо- го неотлучно держал возле себя.

— Звал, батюшка? — сказал Бо- рис, входя в палату и глубоко по- клонившись отцу.

Владимир посмотрел на сына и, кажется, все хвори отступили. Кра- сив, молод, силен сын. Дружина его

любит. Бояре в думе хвалят его за ум и рассудительность.

— Да, звал, — ответил святой князь. — Идут на нас печенеги. По- кажи им, что не затупился еще рус- ский меч, все так же метки наши стрелы...

— Когда выступать, батюшка?
— Немедленно.

Борис поцеловал руку отца и вы- шел из палаты. Пока скорым юно- шеским шагом молодой князь шел дворцовыми переходами, не раз вспо- миналась ему рука отца: старческая, сухая, слабая. Сдавило сердце Бори- са от жалости к отцу, и на глаза его выступили слезы.

Скоро во дворе запели боевые трубы, послышалось ржание ко- ней, а на соборной Десятинной церкви басовито загудели колоко- ла, провожая войско в поход.

Улыбнулся у раскрытого оконца князь Владимир. Горяч сын, прово- рен, скоро за дело берется. Быть ему на Киеве князем. Вот вернется из похода, мне пора на покой, передам бразды правления в его руки.

Распахнулись городские воро- та, впереди войска на белом коне, в

265246

развевающимся по ветру червленом плаще скакал Борис. На голове у него отделанный серебром шишак, сбоку висит тяжелый отцовский меч.

Только не довелось юному князю скрестить свой меч с печенегами, добыть себе почет, а Отечеству славу. Узнав, что русское войско ведет на них князь Борис, печенеги побежали в свои степи.

В это время великий князь Владимир скончался в Киеве, так и не дождавшись возвращения сына из похода. Случилось это 15 июля 1015 года.

Киевляне еще плакали и рыдали о Владимире Красном Солнышке (так они величали святого князя), а

у старшего сына, князя Святополка слезы уже высохли. Замыслил он злодеяние, о каком не слыхано было на русской земле. По словам летописца, Святополк начал думать: «Перебью всех братьев и приму один всю власть на Руси».

Собрав ближних бояр, он сулил им чины и почести, лишь бы были верны ему. Встречаясь с купцами, Святополк обещал предоставить им льготы в торговле. Старшинам ремесленников он велел передать, что даст им послабление в податях, если они будут за него. А Борису Святополк послал письмо. «Брате, — писал он, — хочу жить с тобою в любви, и к полученному тобою от отца владению добавлю еще».

Святополк видел особую любовь отца к Борису и поэтому завидовал брату и ненавидел его, но при отце ненависть не показывал, за лицемерной улыбкой скрывая свои истинные чувства.

Потратив на поиски печенегов несколько дней, Борис возвращался назад. У реки Альты он разбил свой лагерь. Здесь гонец принес ему весть о кончине отца и письмо от старшего брата. Ушел Борис сразу в свой шатер и весь день до вечера плакал об отце.

Отец был его учителем в жизни, наставлял как вести государственные дела, как командовать войском, учил быть милосердным к народу, уважать и почитать священников, украшать Божии церкви. Вместе с Борисом печалилась и плакала дружина, которую не раз водил в победоносные походы князь Владимир.

Вечером к уставшему от слез и рыданий Борису в шатер пришел воевода — начальник дружины, — учивший Бориса еще трехлетним мальчиком сидеть на коне, стрелять из лука, рубить мечом.

— Княже, — сказал он Борису, — дружина просит, чтоб ты вел ее на Киев. Мы знаем, что покойный князь Владимир только тебя хотел видеть в Киеве князем. Однажды тайно он сам сказал мне об этом.

Краска смущения залила лицо Бориса. В глубине своей чистой, благочестивой души никогда он не думал о великокняжеском престоле, когда на нем сидит его отец и пока живы старшие братья.

— Воевода, — отвечал Борис, — ты знаешь, как я люблю тебя. Батюшка преставился в селения небесные. Старший брат мне теперь вместо отца. На старшего брата я руку не подниму.

— Княже, — взмолился воевода, — пожалей свою молодость. Святополк лжив и коварен, мне ли не знать его. Погубит он тебя. Не раз я слышал, как он, хмельной, похвалялся на пирах: пусть только отец умрет, они все почуют мою руку.

Борис молчал.

— Я всегда делал только то, что велел мне мой отец, — наконец сказал он. — Теперь за отца у меня старший брат. А власть и слава мне не нужны.

Борис вышел из шатра.

— Воины, слушайте меня, — громко воззвал он. — Я отпускаю вас. Вы свободны и можете делать, что хотите. Чтобы не оказаться виноватыми перед князем Святополком, оставьте меня.

Вечером, полный томительных предчувствий, князь медленно прогуливался у шатра. Там, где недавно пестрели шатры дружины, было безлюдно и тихо. Только трое слуг не покинули князя и остались с ним.

«Быть может, воевода прав, — думал святой Борис, — и я не знаю своего брата, но если Господь судил мне умереть, пусть прольется только моя кровь и ничья другая».

Лишь когда из-за горизонта выплыл оранжевый серп луны, князь отправился почивать.

На рассвете князя разбудил слуга Георгий, родом венгр. Он впустил в шатер человека, так закутавшегося

полой епанчи, что были видны одни его глаза.

— Княже, — упав на колени перед Борисом, скороговоркой начал он, — я нечаянно подслушал разговор в палатах твоего брата Святополка. Он приказал своему подручному Путше убить тебя. Убийцы уже идут сюда. Я смерд Святополка и не могу открыть лицо, а то мне не сносить головы.

Согнувшись, незнакомец юркнул из шатра.

Ночь была с густым туманом и обильной росой. Под лучами восходящего солнца сонмы капель росы блестели на траве, переливались, мерцая радужно слепящим блеском. На лугу повсюду белели россыпи ромашек, душисто-знойно веяло клевером, а в самой вышине неба едва заметной крохотной точкой вился жаворонок, рассыпая над землей свои звонкие трели. Внизу, в долине синела лентой река Альта, по которой легко скользили рыбацкие челноки.

«Как прекрасно устроен Божий мир, — подумал молодой князь. — Каким красивым создал его Творец».

Холодная тоска сжала его сердце при мысли о смерти. Неужели в это утро, напоенное светом и восторгом бытия, ему придется умереть?

«Но несравненно прекрасней земной красоты селения Отца Небесного. Что важнее: тело свое погубить, а душу спасти, или душу свою погубить, а тело спасти? Господь мой, Иисусе Христе, призри на мое смирение и помилуй мя», — со всем жаром целомудренного сердца молился князь.

От шатра пахнуло ароматом фиамиама: там священник готовился у невысокого походного иконостаса начать утреннюю службу.

Святой Борис очень любил церковное пение, наизусть знал многие службы и часто сослужил священнику простым причетником.

Когда святой Борис вместе со священником пел:

— Окружили меня скопища псов и тельцы тучные обступили меня, — у шатра послышались тихие шаги и чьи-то приглушенные голоса.

Священник тревожно взглянул на Бориса, но тот, подняв очи горе, продолжал:

— Господи, Боже мой, на Тя уповаю...

Убийцы ворвались в шатер, распарывая шатровое полотно мечами. Но, набросившись на князя со всех сторон, в сутолоке, в суете, они не убили его, а только изранили. Обливаясь кровью из многочисленных ран, Борис вырвался от убийц и, пошатываясь, вышел из шатра.

— Господин, спасайся, — крикнул ему Георгий, подавая повод коня.

Князь, покачав головой, не взял повод, прошептал:

— Господи, не вмени им в грех, — и без чувств рухнул на землю.

Убийцы изрубили верного Георгия, прежде чем он успел обнажить меч, а святого Бориса сочли мертвым, взвалили на телегу и повезли.

Телега со страстотерпцем въехала в сосновый бор. Шумели сосны, смолисто пахло хвоей, птицы, пошвистывая и щебеча, перелетали с